

— Но он слишком упрям, — говаривал Андре Огюсту. — Я его ни в какую не переубежу.

Андре был человеком молчаливым и упорным, и избранный им ученик оказался таким же. Пусть Джон с виду казался более светлым и открытым, суть от того не менялась.

Когда-то Андре «одолжил» бесконному Джону одного из коней, пожалованных Огюстом, и с тех пор Джон словно прикипел душой. Вот и настаивал, чтобы самому заработать на коня, прежде чем стать рыцарем, и не помышлял покидать Огюста, будто намеревался, по примеру Андре, посвятить герцогу всю жизнь.

Такая преданность не могла не радовать, но именно она-то и заставляла Андре с Огюстом считать, что негоже губить карьеру Джона.

— Подумай как следует, не торопись с ответом. До твоего посвящения ещё полгода, — Огюст не стал давить. — Андре с радостью возьмёт тебя в ученики, да и я буду не прочь видеть такого рыцаря подле себя. Но мы оба полагаем, что для тебя это несправедливо. Ты молод, перед тобой — целый мир. Буду рад, если, поскитавшись или повоевав, ты сюда вернёшься.

А вернётся ли Джон потом — это уж другой вопрос.

Джон обещал Огюсту серьёзно всё обдумать.

И вновь они уставились друг на друга в тягостном молчании.

Прежде чем Джон собрался уходить, Огюст решил всё же его предостеречь:

— С делом покончили, теперь давай о другом — полегче.

Огюст отбросил напускную герцогскую важность, наклонился вперёд и с живым любопытством уставился на Джона.

Тот инстинктивно попятился, но, вспомнив наставления командора, застыл на месте, позволив Огюсту разглядывать себя со всем возможным — и невозможным — рыцарским самообладанием, демонстрируя поразительную выдержку.

Огюст наконец сжалился и заговорил серьёзно:

— Если Джо снова начнёт к тебе приставать, смело говори мне. Я с ним разберусь.

— !!! — На сей раз рыжий Джон стал пунцовым Джоном. Отбросив всю рыцарственную суровость, он замахал руками, смертельно боясь, что Огюст что-то не так понял. — Нет-нет-нет, что бы вы там ни слышали, верьте — всё это неправда, неправда!

Огюст приподнял бровь: не ожидал он, что Джон так боится гомосексуалов.

— Отец Джо — священник честнейший и добрейший, он ни за что не совершит ничего греховного! — Джон тут же добавил, чего не договорил. — Умоляю вас, ваша светлость, мы все очень уважаем отца Джо, он не сделал ничего предосудительного!

Огюсту стало совестно: он ошибся. Джон не боялся гомосексуалов — он изо всех сил пытался прикрыть отца Джо, доказать его невиновность.

— Успокойся, я не собираюсь на него доносить. Да и вообще не считаю гомосексуальность преступлением.

— Кто... какая гомосексуальность? Ха, вы... — Джон всё ещё цеплялся за последний шанс.

Огюст вздохнул:

— Я знал о его склонностях с первого дня его службы у меня. Но это не помешало мне его нанять.

Слова Огюста подействовали как заговор: Джон тут же успокоился, снова превратившись в перспективного юношу. Он опустил голову и повторил:

— Верьте, отец Джо просто ошибся. Он прекрасный священник, и мы все его любим.

— Ладно, — Огюст не стал настаивать. Теперь он отчасти понимал, почему и Анна, и отец Джо симпатизировали Джону.

Тот и впрямь впитал рыцарские идеалы до костей: честен, благороден, всегда готов помочь. Не желал никому вреда, и, даже отказывая, старался, чтобы другой не пострадал за свою откровенность. Взял на себя вину за возможное недоразумение с Анной и из кожи вон лез, чтобы скрыть тайну отца Джо, которая могла того на костёр привести.

Хотя, по сути, всё это его не касалось — ему просто признались в чувствах.

Когда Джон удалился, тут же материализовался отец Джо, окружённый розовыми мыльными пузырями. — Он меня любит, — с непоколебимой уверенностью заявил он Огюсту.

Огюст так и не понял, откуда у отца Джо такая слепая уверенность.

— Он даже в такой ситуации меня защищал! — Для священнослужителя однополая связь — куда серьёзнее, чем для мирянина. — Может, и отказал-то мне по той же причине!

— А может, он просто хороший человек, — не удержался Огюст, вступаясь за Джона.

— Ты чей друг?! — Отец Джо недовольно покосился на него. — Не должен ли ты в такой момент меня поздравить или ободрить?

— Но я не хочу, чтобы пострадал кто-то из вас, — Огюст старался подбирать слова помягче.

— Не бойся, я знаю меру! — Отец Джо был непреклонен.

— «Выпрямлять» натуралов — занятие неблагодарное, — Огюст счёл нужным предупредить.

— Говорю же, знаю меру. Если он не такой, я не стану настаивать. — Даже если б он его обожал, на такую низость он не способен.

— Что ж, желаю удачи, — Огюст, конечно, хотел счастья другу, но лишь советовал ему не перегибать.

Последующие полгода Огюст, много лет не видавший телевизора, вновь вкусил прелестей ситуационных комедий и мыльных опер. Ежедневные похождения отца Джо и Джона скрашивали целые дни. Джули стала его соратницей в наблюдении за этим спектаклем и даже поговаривала, что из этого могла бы выйти забавная пьеса.

— ... А вы с ним и впрямь друзья? — не выдержал Огюст.

— На свете есть дружба, что зовётся «дружбой-соперничеством». Уверена, окажись я на его месте, он поступил бы точно так же, — парировала Джули без тени сомнения.

Что оставалось сказать Огюсту? Лишь с интересом наблюдать за мышью вознёй отца Джо и Джона, словно за лёгкой комедией. Заодно он не преминул заметить Джули, предпочитавшей фасон теплоте:

— Оденься потеплее, милая. Уже зима на дворе, а ты одеваешься, словно всё ещё осень.

Какой бы лютой ни была стужа, Джули неизменно щеголяла с наполовину обнажённой грудью, отчего Огюсту становилось холодно за неё.

Джули: С этими геями, не ведающими, что есть женская красота, и говорить не о чем!

В конце концов отец Джо так и не добился своего. Хотя он и не сдавался, в глубине души понимал — шансов нет, просто не хотел смириться.

Зато Джон и первая горничная леди Джейн, Анна, становились всё ближе. Не то чтобы между ними пробежала искра — так, дружба, а то и нечто родственное.

Анна и впрямь принялась учиться у повара Бейкера печь хлеб. За полгода она перепробовала множество рецептов — не то чтобы очень успешно, но и не провально. Джон стал её верным дегустатором, а она — его жилеткой, в которую он ежевечерне поверял, как в очередной раз перехитрил отца Джо.

Анна отличалась от прочих девушек тем, что спокойно приняла гомосексуальность отца Джо. Собственно, Джон и не называл ей имени своего поклонника, но она и сама догадалась. Ни малейшего презрения, ни тени осуждения — она и словом не обмолвилась, ибо ещё в детстве, живя в Саутенд-он-Си, узнала шокирующую тайну своего брата: он любил мужчин.

Тогда, будучи маленькой девочкой, Анна не знала, как с этим быть. Её обуревали ужас и смятение, она даже помышляла призвать потусторонние силы, чтобы вернуть брата на «путь истинный».

<http://bllate.org/book/15929/1424281>